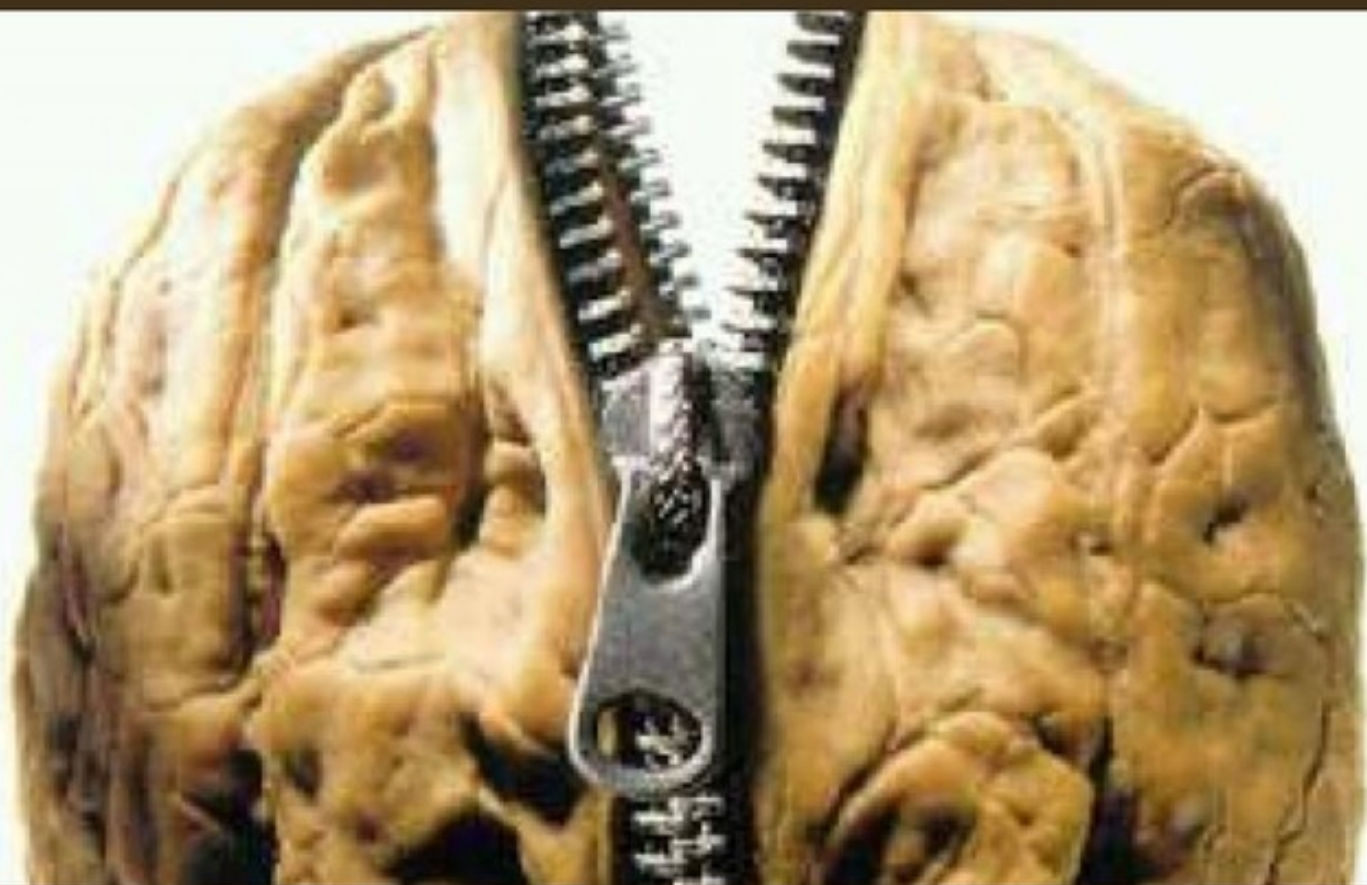

Алексей Аимин

СКОРЛУПА

МОИ ВСТУПЛЕНИЯ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

Алексей Аимин

**Скорлупа. Мои
вступления и выступления**

«Издательские решения»

Аимин А.

Скорлупа. Мои вступления и выступления / А. Аимин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934467-0

За свою жизнь мы попадаем в различные ситуации, куда-то вступаем, откуда-то выходим. Порой от нас мало что зависит — такая у нас страна... Авторские наблюдения с горьким юмором, жизненной философией и даже лирикой: Есть партия любви, есть партия вина, есть партия халвы и утреннего сна. Есть армия больных и есть отряд врачей, есть лига молчунов и банда трепачей. Автор признается, что был многочленом. Рассказ «СЕМГА» имеет реальную основу. Очерк-эссе «ДИССИДЕНТЫ» о встречах автора с шестидесятниками.

ISBN 978-5-44-934467-0

© Аимин А.

© Издательские решения

Содержание

СКОРЛУПА	6
ОТ АВТОРА	6
МОИ ВСТУПЛЕНИЯ	8
Выписка	15
Вступления	19
Армия бесполезных	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Скорлупа Мои вступления и выступления

Алексей Аимин

© Алексей Аимин, 2018

ISBN 978-5-4493-4467-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СКОРЛУПА

ОТ АВТОРА

*Чтобы стать по-настоящему мудрым
надо не раз побывать в дураках.
(сам додумался)*

В нашей жизни есть много хорошего и плохого, приятного и не очень. А главное – всегда есть что-то неизведанное.

Заявления некоторых самоуверенных граждан типа «я уже все видел» или «я уже все прошел» – глупая бравада недалеких людей.

У меня на этот счет у меня есть свое мнение:

куда бы ты в этой жизни ни шагнул, куда бы не свернул, – все равно куда-нибудь вступишь, вольешься или вляпаешься.

А иногда даже и поворачивать не надо, жизнь сама развернет так, что от тебя уже ничего не зависит.

Порой оглянешься в прошлое, и вспоминаются древняя поговорка:

«Все мы сильны задним умом».

И действительно, мы мудро и правильно рассуждаем, как нужно было поступить лишь тогда, когда изменить уже ничего нельзя.

Мой приятель как-то глядя на свою жену шепнул на ухо: «Если бы я знал чем все это кончится, я бы на первое свидание с ней не пошел...»

А вот более современная интерпретация известного постулата:

«Опыт – очень полезная штука, которая появляется через несколько секунд после того, как она была нужна».

И наконец, главная мысль в этой связке:

«Дурак учится на своих ошибках, умный – на чужих»

Чужой я вам или нет – вам решать, но ознакомиться с моим неполным личным делом, уверен, будет полезно и интересно. Тем более времена были тоже специфические, заодно и в них окунетесь.

Плакат времен перестройки 1986 год

Времена были непростые: пустой желудок, возбужденный разум. И хотя петь совсем не хотелось, песни прошлых лет часто вспоминались:

*Как вихри враждебные взвились над нами, —
Так много чего наломали местами.
И мир, что проклятьем весь был заклеянный — Хотели мы
сделать красноречивым.
Стреляли, скакали и пели Гренада! —
Хотя и не знали, кому она нада.
Легко нам от песни всем было веселой, —
Пока процветали деревни и села.
В войну от Москвы мы шагали до Бреста —
Теперь не добраться до этого места.
Затем соловьи все будили солдата —
Теперь старшина и, отборнейшим матом.
И Ленин шагал впереди молодой, —
Хотя на портретах везде с бородой.
Потом все запели в семейном кругу, —
Про яблоки, что залежались в снегу.
Затем заталдычили все беспрестанно —
Про Жанночку, ту, что ну очень желанна!
Одни воевали, другие пахали,
А третьи под песни страну воровали,
Дождемся, – вновь шлягер пойдет на эстраде
Забытый — «Подайте нам всем Христа ради!»*

МОИ ВСТУПЛЕНИЯ

Армия болезных

Однажды, без малейшего на то желания мне пришлось влиться в отряд болезных людей. Точнее, это был даже не отряд не полк и не дивизия а самая настоящая армия. Половина – штатный состав, а вторая... Как бы это выразить подходчивее?... те, кто призваны как бы на «сборы». Прошел их, отчитался анализами и бегом на насиженное место. Главное уложиться во времени, чтобы это место не успели занять.

На своих первых сборах узнал много интересного. Например, что болезни бывают разные, и их количество так до сих пор никто так и не сосчитал.

Условно их подразделяют на установленные – с диагнозом, и не установленные – без такового. Те, что установлены, соответственно делятся на: хронические и не хронические; заразные и не заразные; смертельные и не смертельные.

Сами больные, те, кто еще способен шутить, подразделяют их еще и на приятные и неприятные.

К приятным, они относят чесотку: почесал – и еще хочется, к неприятным – геморрой.

Молодым и любопытным еще не знакомым с последней хворью, объяснять не буду – медицинской литературы полно да и жизнь еще долгая... познакомятся

Моя болезнь относилась к разряду интеллигентно-алкогольных. Это я заключил почти сразу по составу нашего кардиологического отделения. Здесь лежали и высокообразованные интеллектуалы, переживавшие за всех и все, и рядовые алкаши – плевавшие на все и всех.

Диагнозы, которые вписали в мою карточку, звучали солидно и заковыристо: вегето-сосудистая дистония, стенокардия, ишемическая болезнь и еще несколько болезней, названия которых я так и не смог прочесть.

Признаюсь, в моей голове всегда проживала мысль: нашим врачам в школе чистописанное и правописание никогда не преподавали. Но то, что я получил инфаркт, я уже не сомневался, сомневались врачи или делали вид...

Я был определен в местную районную больницу, гордо носящую имя вождя мирового пролетариата. Владимир Ильич всегда опирался на самые бедные слои населения, в которые при социализме вошли и врачи. Под именем своего «благодетеля» брошенный на выживание медицинский персонал готовился к переходу точно в том же статусе из второго тысячелетия в третье.

Корпуса сталинской постройки давно требовали ремонта, а внутренний интерьер соответствовал моему представлению о земских больницах, описанных в рассказах Чехова и Булгакова.

В моей палате было восемь коек. Пролежал я там две недели, но никто из обитателей палаты в моей памяти не зафиксировался. Единственное, что мне запомнилось, что двое у окна постоянно читали, а двое у двери, постоянно храпели.

Все здешние обитатели считали себя временными пациентами и собирались сразу после курса лечения вернуться к прежней жизни. Алкашам, на мой взгляд, было проще, ведь там, в той относительно свободной жизни, их никто подсидывать не собирался, а в дешевых пивных места в основном стоячие.

Заведующим кардиологическим отделением, был статный доктор с оригинальной фамилией Кручина. Во время первого обхода он наметанным глазом оценил материальные возможности вновь поступивших больных. Из неоднородной массы доктор выделил меня как наиболее перспективного на платную операцию (позже я узнал, что ему шел неплохой процент).

Со знанием дела, просмотрев имеющиеся кардиограммы и прослушав стук моего «движка», он обрисовал мои перспективы. Но сделал он это как бы невзначай, проронив фразу, что, мол, с таким сердечком больше четырех лет я не протяну.

Мне стало слегка не по себе, но внешне на его пророчество я отреагировал спокойно. После этого наш главный доктор потерял ко мне всяческий интерес и при следующем обходе вообще не подошел.

Состояние мое было стабильно хреновым, и даже через две недели местными светилами еще не было установлено точного диагноза.

На всякий случай меня все же направили в Петербург для дальнейшего обследования.

Перед отправкой наш сердечный спец решил меня приободрить. При последнем обходе, он все так же, между прочим, вставил еще одну значимую для меня фразу: четыре года, это конечно, минимум, а максимум, на что я могу рассчитывать – лет двадцать.

– Это еще куда ни шло, – подумал я, прикинув, что при таком раскладе появляется надежда раскрутить родное государство на несколько лет пенсионного обеспечения.

Больница, куда меня отправили, находилась рядом с Финляндским вокзалом, примыкая к небезызвестной питерской достопримечательности, следственному изолятору «Кресты».

Добирался я туда своим ходом, медленным шагом с частыми остановками. Светло-желтые корпуса больницы контрастировали с красно-коричневыми стенами тюрьмы.

Проходя мимо высокого забора из красного кирпича, я увидел на дороге и тротуаре разбросанные бумажные самолетiki. Их были сотни, и они валялись повсюду. От знакомых каждому школьнику эти летуны отличались оригинальной конструкцией, а к носу каждого был прилеплен хлебный мякиш.

– Голубиная почта, – потом объяснили мне старожилы больницы. – Отправляют в надежде, что кто-то подберет, и потом переправит адресату.

Кресты. Больничные корпуса в правом нижнем углу

Я так ни разу и не видел, как совершаются эти перелеты, однако понимал: чтобы преодолеть такое расстояние, «почтарям» нужны и стартовая высота и попутный ветер. Видимо их отправка происходила ночью с самых верхних этажей.

Здесь же я узнал, что значит выражение *«дурилка картонная»*. Оно появилось после того как один из осужденных в тюрьме из хлеба и жеванного картона (картонной массы) слепил «ствол» – точную копию револьвера, и совершил побег. Черную краску он изготовил из женой подошвы.

По сравнению с районной, городская больница была явно на высоте. Квалифицированные кадры. Более современное оборудование. Наличие лекарственных препаратов средней цены. В районной были только аспирин и дешевые нитраты. Отношение к больным было более внимательным, а еда более питательной. Буквально через пару дней я почувствовал себя лучше. Кардиологическое отделение находилось почти на самом верху – на пятом или на шестом этаже.

– Это проверочный тест, – говорили мне те же старожилы в больничном дворике, – если поднимаешься в палату без помощи лифта, считай, – готов к труду и обороне.

После последних слов мне вспомнился значок ГТО с бегуном, устремленным в светлое будущее. Восстанавливая в памяти его образ, я засеменил к лифту.

Окно кабинета, где нам снимали кардиограммы, выходило на торец одного из тюремных блоков. Я лежал на топчане и наблюдал, как заключенные вывешивают из окон простыни на просушку, как на нитке передают между этажами спички, папиросы и свои послания. Там была одна жизнь, здесь другая – каждому свое, как говорили древние. Вернувшись в палату, я достал свою тетрадку, я записал:

*Кардиограмма с видом из окна
в Крестах обед – сейчас баланду «глушат».
Жизнь здесь и там, лишь разница одна:
Здесь лечат нам сердца – а там калечат души...*

Это нам: – Привет дохлятики

Это ощущение присутствовало только лишь в первые дни, когда соседство со следственной тюрьмой интриговало. Позже ее монументальный вид превратился в привычный пейзаж. К тому же окна нашей палаты выходили совсем в другую сторону – на набережную Невы, где в левой части панорамы сверкали купола Смольненского собора. Только-только наступили белые ночи, и, когда мне не спалось, я, как маленький, сидел на подоконнике и смотрел на Неву. Там под разведенными мостами проплывали самоходные баржи и сухогрузы. Шли они вереницами, сначала вверх по Неве, затем вниз.

С палатой мне повезло не только из-за этого прекрасного вида из окна, но и с обитателями. Соседом справа от меня лежал Корнеич, представившийся нам:

– Бывший жулик на заслуженной пенсии.

Свои подвиги он не скрывал и даже гордился ими. В далекие шестидесятые, когда народ был еще совсем затюкан моральным кодексом строителя коммунизма, Корнеич проворачивал

такие дела, что три года по статье мошенничество, он считал семечками. Но это же был его вступительный взнос в организацию «ЛЮДИ ДЕЛА» и сейчас он о нем не жалел – экстерном два высших образования получил – юридическое и экономическое.

Одновременно с сердцем Корнеич лечил почки и печень, которые в период своих вагонно-контейнерных операций, спаивая чиновный люднешадно эксплуатировал. Выйдя на «заслуженный отдых», он стал следить за здоровьем, ограничивая свою деятельность высокооплачиваемыми консультациями. Новые русские ежедневно звонили ему на сотовый телефон, в то время бывший показателем респектабельности.

Некоторые модели в карман не умещались

А еще Корнеича регулярно посещала скромная миловидная супруга, лет на пятнадцать моложе. Как позже выяснилось, она была у него третьей. Прожив с ней почти двадцать лет и заполучив наследника, Корнеич сумел сохранить в тайне свое далекое прошлое.

Эта симпатичная женщина была уверена, что ее муж был крупным руководителем в одной из строительных компаний.

Документы у него были выправлены, и перед новой женой и перед новым государством Корнеич был чист.

Сосед справа был натуральным интеллигентом, о чем говорило и имя – Борис Натанович. Он зарабатывал на жизнь, преподавая иностранную литературу и филологию сразу в двух учебных заведениях и подрабатывая переводами статей зарубежных философов. Натанович не мог похвастаться столь яркой жизнью, как у Корнеича, был примерным семьянином со скромным званием доцента. С ним мне было тоже интересно: в своих рассуждениях он часто цитировал древних философов, например, Конфуция:

«Человек заболевает по многим причинам: некоторые заболевают от простуды, некоторые от усталости и горя».

Такие высказывания заставляли меня задуматься. В этом помогал потолок, по которому разбегались затейливые трещины. Я смотрел на него и обдумывал вторую половину жизни. С первой было все ясно:

Себя я к лучшей половине отношу,

*Хотя особенно похвастать нечем,
Ну правда не курю я анашу
И без наколок грудь моя и плечи.*

Еще вот у людей не воровал,

*Я скромно промолчу про государство,
И по большому счету я не врал,*

*Лишен злых умыслов и всякого коварства.
Я в этой жизни никого не заложил,*

*Хоть числюсь балаболом, краснобаем
Вот так полжизни я своей прожил,
Что будет во второй – пока не знаю.*

Отношения у моих соседей явно не сложились. Корнейч мне сразу сказал: *если человек слишком правильный, то это ошибка природы*. А так как они случаются крайне редко, то большая часть нынешних праведников – это лжецы и притворщики.

– От этого им и живется не сладко, – заключил он, кивнув в сторону Натаныча, – вон видишь какой угрюмый, неудивительно – всю жизнь на минералке. Натаныч тоже не отставал. Как-то явно намекая на своего главного оппонента, он процитировал Губермана:

*Любил я книги, выпивку и женщин.
И большего у бога не просил.
Теперь азарт мой возрастом уменьшен.
На книги даже не хватает сил.*

У Корнейча опухали ноги. Однажды его заставили в течение суток подсчитать количество употребленной жидкости и вышедшей из организма естественным путем. Научная ценность этого эксперимента Корнейчем была подвергнута сомнению:

– Видимость работы, – резюмировал он, отставляя горшок, – надо же показать, что не зря им деньги платят.

Но все же медперсонал здесь был достаточно квалифицированный. Давать оценку врачам, имея строительное образование, не берусь, но медсестры были на высоте, Особенно по части уколоть.

Лучше всего это получалось у сестрички Тани. Ей было слегка за тридцать, красавицей не назвать, зато остальное было на все сто!

Татьяна, нагло издевалась над нашей братией, – носила самый короткий халатик и, как бы случайно забывала застегнуть на нем верхнюю пуговку.

Как мы потом узнали, все это было предназначено для нерешительного сорокалетнего врача нашего отделения Николая Павловича, благодаря которому эти эффекты перепали и нам. Когда Таня ставила капельницу и наклонялась, чтобы ввести в вену иглу, все мужики замирали и задерживали дыхание.

– Психотерапия, – со знанием дела пояснил Корнеич, – дополнительный адреналин в кровь... и косвенные показатели выздоровления поднимаются на глазах.

Отец у Тани был подводник и команда к пуску торпед:

«Товсь!»

перекочевала в ее лексикон. Мы с удовольствием подчинялись, скромно оголяя места для торпедирования.

Свои личные ощущения, испытываемые во время таких процедур, я выразил все в своей тетради в поэтическом виде:

У медсестрички

легкая рука.

И ноги, кстати,

тоже неплохие,

Ах, как вернуть мне времена лихие,

и улететь бы с ней за облака...

Под капельницей

только и мечтать

И вот под взглядом

под ее сугубо штатным —

Уже лечу! лечу уже обратно

и падаю в больничную кровать!

– Чем писать вирши с такой пессимистической концовкой, ты бы лучше поприжал ее в каком закутке, – посоветовал мне Корнеич. – Эх, был бы я помоложе...

– Перпетуум-кобеле, как и перпетуум-мобиле, не существует, – с ехидцей встрял в наш разговор Борис Натанович. Мне вообще, ваши сальные разговоры противно слушать.

– Во сухарь заумный, – проворчал Корнеич, – можешь уши заткнуть, если не нравится.

Нам с Корнеичем было назначено по сорок инъекций в живот – тромбы растворять. Уколы четыре раза в день ровно через шесть часов. В 6 утра первый и в 12 ночи последний. Процедура не очень приятная, но при умении медперсонала сносная.

Животы наши пестрели мозаикой сине-желто-зеленых цветов.

ТОВСЬ!

Однако вскоре нам пришлось испытать на себе, как легкая женская рука может превратиться в очень тяжелую.

Накануне наши врачи отмечали день медицинского работника. Галантный Корнеич даже умудрился достать цветы. Медперсонал отмечал свой праздник ничуть не хуже слесарей нашего ЖЭКа в день коммунального работника. А что, врачи они тоже люди...

Мы же под шумок нарушали режим и смотрели футбол – шел чемпионат мира. Ближе к полуночи, я обратил внимание, как Татьяна с трудом вела Николая Павловича в ординаторскую. В обычные дни они туда заходили по отдельности, точнее, Таня ныряла тайком, стараясь не привлекать внимания.

Но я же не мальчик, чтобы обращать внимание, – увидел и забыл.

Однако вспомнил я об этом буквально через несколько часов. В шесть утра к нам с утренним уколom пришла Таня. Она строго взглянула, и я привычно задрал футболку. Садистский укол застал меня врасплох. До сих пор удивляюсь, как я не вскрикнул, а только мыкнул и сжал зубы.

Таня быстро перешла к моему соседу. У Корнеича, получившего такой же предательский удар «под дых», расширились глаза, он охнул и взглянул на меня. Я вздохнул и пожал плечами.

Таня ушла, а я рассказал ему об увиденном вечером.

– Ну, Николай Палыч. Ну, садист! До чего женщину довел! Нет, ну не мог собраться? – возмущался Корнеич. – А ты тоже хорош, не мог прочувствовать ситуацию и вовремя доктору плечо подставить?

– Так вам и надо, тоже мне знатоки женских душ. Женщина такая загадка, что с вашими умишками ее никогда не разгадать – съехидничал Борис Натанович.

Корнеич скорчил в сторону оппонента гримасу отвращения и пошел разведать по части предстоящего завтрака.

Выписка

Я лежал, и, глядя в потолок, думал. Жизнь меня часто была, и я все чаще думал о том, что в ней что-то неправильно. Мне было обидно за свою страну. Я жалел наш многострадальный народ, а вместе с ним и себя, ведь у меня и дома были сплошные передраги. Жена меня считала дураком и неудачником, о чем постоянно напоминала.

Когда же чувства недовольства собой и внешним миром переполняли, я вымывал их традиционным методом, оправдывая себя тяжестью навалившегося креста:

Решил я жизнь через себя всю пропускать,

Через себя ее превратности фильтрую.

*Но, пропуцую как дрянь, потом другую
И надо фильтры срочно промывать.*

Обычно на промывку у меня уходило 2—3 дня, и вряд ли моему организму это нравилось. Так что причина моей сердечной болезни была комплексной. Может потому хоть в компании интеллигентов хоть алкашей я проходил, как свой парень.

Через неделю моя посредническая роль закончилась. Корнеич, получив поддержку загнанному организму, выпи́сался. Перед выпи́ской на папиной машине заезжал сын, студент первого курса университета, доставивший конфетно-коньячный набор для медперсонала. На прощанье Корнеич рассказал анекдот:

Встречаются два вождя африканский и американский.

Африканский спрашивает:

– А как у тебя с еврейским вопросом?

– Да никак – у нас их нет

*– А я своим сколько не вдалбливаю, что евреи тоже люди –
не едят и все!*

После чего посмотрел на меня:

– Ты-то не еврей?

– Некоторые считают, что он самый, а я и не разубеждаю.

– Да нет, мозги на уровне, но начинка не та – не приспособленец.

Хотя «обертка» это тоже много – ты и не признавайся. Но время быстро меняется и фантики не спасут. Тут *скорлупа* нужна и покрепче.

– Как у греческого ореха?

– Лучше как у кокосового.

– Учту. Уже тренируюсь – и чуть подумав, прочел экспромт:

Натанович вовсю грызет орехи –

их у него коробочка полна.

Ну а в моих карманах лишь прорехи —

За что меня всю жизнь грызет жена!

Корнейч хохотнул и хлопнул меня по плечу:

– Наши-то тебя не съедят. У нас к талантливым людям с уважением относятся – на них бабки можно заработать. У вас мозги особым способом устроены. Раньше ведь талант в Древней Греции денежная единица была – 37 кг серебра.

Вот посмотрел как ты вчера в коридоре взвешивался – 74 кг.

Я еще сразу подумал – ровно половина это талант, а остальное отходы.

– Г... что ли?

– И оно тоже... Ты нашу власть любишь? Нет. Вот, когда про нее писать будешь оттуда и черпанешь. Ты мне лучше скажи, у тебя ведь есть свои убеждения?

Я кивнул.

Он посмотрел на меня внимательно:

– А вот власть таланты не любит, особенно тех, кто имеет свои убеждения. Ты их имей, имей, но не выставляй особо.

И с такими, как наш сосед по палате поосторожней. Интеллигенты бывают двух видов – вшивые и гнилые. Они ведь как – устроят революцию, а потом сами друг друга сдают по одному, надеясь что до них очередь не дойдет.

А наши люди как и божьи люди никогда в первый ряд не лезут. У нас, как и у них свое откидное место рядом с престолом. Потому мы при любом раскладе наверху. А светиться нам совсем ни к чему, это политики и поэты хотят чтоб о них потомки помнили.

Так что при особом случае разрешаю на меня сослаться, что мол с «Пломбой» знаком. Эту кликуху мне дали когда я придумал как на вагонах пломбы незаметно вскрывать.

Он обвелвзглядомпалату:

– Все! Бывай!

И давай скорлупу наращивай.

После выписки шебутного Корнейча стало пустовато и тихо даже в коридорах.

Тихо...

Теперь общение шло только с соседом слева. Я почитал Борису свои стихи, он со знанием дела покритиковал их:

– Ну, вот смотри, прочитай последнее. Последнее было навеяно приевшимися процедурами:

Мое тело тревожат врачи,

*Забывая, что тело чужое,
Ладно, там уж анализ мочи,
Кровь опять забирают на РОЭ.
В тело вновь проникает игла,
Ну а я:*

*– Может, хватит? Доколе?
Нехорошая мысль вдруг пришла:*

*Не отпустят, пока не заколют!
В голове переборами мат,*

А они мне:

*– Для пользы! Для дела!
Буйный нрав загоняю я взад!
Взад – в свое решечное тело.*

– Ну и кому твои страдания нужны? А что такое РОЭ, ты ведь, наверняка, сам не знаешь. Может Российская организация эгоистов? – он улыбнулся своей, как ему показалось, удачной шутке, – Нет, стихи должны быть возвышенными. Они должны вдохновлять людей, вселять надежду.

– На светлое будущее?

Он, не почувствовав моего прикола, кивнул

– И на него тоже.

Правда, его последняя фраза была оптимистичной:

– Давай дерзай дальше – должно получиться. Мы еще тобой гордиться будем!

Борис Натанович тоже поделился со мной своими проблемами. За последний год он написал ряд критических статей. Кто-то нашел в них индивидуальный стиль и нетрадиционный взгляд.

Тут я решился прочесть парочку своих прозаических зарисовок и покритиковать если можно.

ПАРАДОКСЫ ВРЕМЕНИ

Они дружили с детства. Одна была яркая и красивая,

вторая же была просто дурнушка.

На её фоне первая становилась ещё краше.

Но они как-то странно дополняли друг друга.

Дружба их продолжалась и когда они стали мамами,

и когда стали бабушками. Наступил момент,

когда этих двух старушек, сидящих на

*скамейке в сквере, все принимали
за родных сестёр.*

*И уже невозможно было определить, кто из них в молодости была красавицей а кто
дурнушкой.*

ВОТ ТАКОЙ НАЧАЛЬНИК

*Начальник вызвал одного из своих заместителей и сказал
– Я тебя увольняю!*

– За что? – изумился тот, – я же никогда

вам не перечил и выполнял все ваши поручения.

*– Формулировку выбери сам: либо ты дурак и не замечаешь моих ошибок, либо подлый
человек и ждешь, когда я прогорю,*

чтобы занять мое место.

Умный был начальник...

*– Про старушек ты сносно сопли размазал, а вот про начальника загнул. Где же ты видел
таких начальников? Они при советской власти должны были всего на три извилины умнее
подчиненных быть. Могут заподозрить западную ориентацию.*

Так что пиши лучше стишки про медсестер – это не так опасно.

– Ну и про кухарок и печников – подумал я про себя.

*Дальше Натанович рассказал, что ему аж два редактора литературных изданий посове-
товали вступить в какую-нибудь писательскую организацию или прямо в Союз Писателей.*

Теперь вот он размышлял, куда же направить свои стопы?

*Союзов писателей в Питере оказалось целых два, как он сказал один буйный, другой сте-
пенный. А еще обнаружился десяток литературных объединений, которые выросли на озву-
ченной в свое время свободе слова.*

*– А я бы ни в какой союз не вступал. Всеми этими союзами, партиями, объединениями,
и прочим я давно уже сыт по горло.*

– Вот так? – удивился Борис Натанович, – и почему же?

И тогда я поведал ему свои впечатления от поворотов моей не слишком удавшейся жизни.

*– Здорово, – сказал он, – тут можно целый рассказ написать или даже повесть. Слушай,
если я когда-нибудь надумаю, можно мне это за основу сюжета взять?*

– Можно, – не задумываясь, ответил я, и мы пошли ужинать.

*Получив предупреждение от врачей о том, что теперь меня в любой момент могут
вызвать на очередные сборы, я был выписан. Довеском шло бодрящее душу заверение, что *мое
сердце мне прослужит до последнего дня.**

*Чуть позже я пожалел, что с такой легкостью дал Натановичу такое разрешение? И чего
это я? Сам, что ли, не могу свою историю людям поведать? По литературе ведь у меня всегда
было пять, а запятые мне любой корректор поставит. И я написал.*

Вступления

Обозревая события недавнего прошлого, я пришел к мысли, что главную роль в них сыграли мои *вступления и выступления*.

Это еще раз вернуло меня к уже озвученным выше мыслям: вступая на жизненную дорогу без поводыря, всегда можно куда-то вляпаться и оказаться в дураках. Потом надо доказывать обратное и отмываться.

А если еще любишь выступать...

Выступления на заре моей жизни носили неосознанный характер. Лет с четырех, родители ставили на табуретку и заставляли читать стихи. Возможно, это было что-нибудь классическое из репертуара того времени:

Я на вишенку залез
Не могу накушаться,
Деда Ленин говорил
Надо маму слушаться.

Гости и родственники смеялись и аплодировали. Уже тогда я познал, что такое успех. Ну а на сцену я попал лет в шесть – изображал там элементы русских танцев – присядку, веревочку, ковырялочку. А в 7 лет я уже показался на местном телевидении, стал дворовой знаменитостью и на меня уже показывали пальцем. Да и вообще, по всем статьям я *рос мальчиком, из которых обычно вырастают достойные люди, а потом получают хорошие старички*.

Однако в жизни все быстро меняется. Вскоре на меня кивали уже по совсем иной причине. Первым в нашем дворе был зарегистрирован в детской комнате милиции, где меня поставили на учет за попытку приобрести в магазине кондитерские изделия незаконным путем.

Помнится отец через одно место четко внушил – чужого не брать и чтить моральный и уголовный кодексы. Справедливо.

А с несправедливостью этого мира я столкнулся в школе на выпускных экзаменах. Учился я средне, многое по ходу учебы упустил. Родители, пытаясь огородить меня от дурного влияния подворотен, определили меня в танцевальный кружок и в музыкальную школу. Так что основными оценками у меня были троечки. Еще и вел я себя неподобающе. Сейчас уже не помню, по каким поводам мой дневник был исписан жалобами учителей. И это притом, что я ни с кем не дрался, не курил за углом школы, не обижал девочек. Видимо, задавал не те вопросы:

Я учился плохо, не скрываю,
чувствовал – учили не тому.
Троечки с натугою сшибая,
Лишь теперь я понял почему
так зубрежку раньше уважали
ставя во главу «от сих – до сих»...

А если вы вопросы задавали,
то придурок, ну а может псих!

Предки же каждый день капали мне на мозги: ты должен непременно попасть в институт.

Допекли!

Под их напором я поднапрягся и за три месяца полностью проштудировал программу десятилетки «от сих – до сих»,

На выпускных экзаменах отвечал лучше отличников, однако мне ставили все те же тройки. Помню, это меня страшно возмущало и хотелось протестовать.

Но этот протест притух, когда я с легкостью сдал экзамены в институт, куда не смогли попасть многие из моих успевающих одноклассников.

Вот так я вступил в новое товарищество – студенческое братво.

Удостоверение что не совсем дурак

Сессии, «хвосты», ночные посиделки, распевание под гитару и распивание дешевого вина. Все было пройдено качественно и в полном объеме. И безденежье, о котором мне напомнил случайно обнаруженный стишок родом из 1972 года:

Сидим вдвоем, смотрю – грустит,

И я почему-то грущу.

Я думал наверно, что он угостит,

А он, что я угощу...

В советских учебных заведениях всегда поощрялось участие в общественной жизни, спорте и художественной самодеятельности.

Я был везде!

Такие обширные интересы отражались на учебе, но в последний момент я всегда успевал отрубать волочащиеся хвосты. Преимущество общественной деятельности я узнал в момент распределения.

По окончании института право выбора предоставлялось по сумме семестровых оценок, к которым приплюсовали баллы за общественные дела. По успеваемости из 90 человек нашего потока я был 71, а после учета «заслуг» перед обществом цифра в точности перевернулась, и я стал семнадцатым.

Вот там я и начал свои сольные *выступления*.

Еще на втором курсе мне поручили вести конкурсы самодеятельности своего факультета. Кроме объявления номеров, подражая известным конференсье, я отпускал шуточки местного разлива типа:

*Товарищ верь – она придет – свобода каждому, не вместе!
Кто хочет пусть по сотке пьет*

А кто желает и по двести!

В деканате на меня строго посмотрели и погрозили пальчиком. Замдекана Полуха понятно и доходчиво определил мои перспективы:

– О какой там свободе, молодой человек, вы заикнулись?

– О личной.

О личной? Мы легко можем вам ее обеспечить за стенами нашего института.

Из его воспитательной речи с намеками, что у нас строится коммунизм для всех сразу, я позже родил свои противоречивые доводы:

*Блатными рождаются только по блату,
А умными – те, кто задуман с умом
Есть те, кто рождается сразу с лопатой,
А кто-то с протестом – и значит, с кайлом.*

Социальный накал в выступлениях пришлось резко снизить и перейти на бытовой уровень. Была у нас на факультете кафедра водоснабжения и канализации, сокращенно ВК.

Помню перед выступлением мужского дуэта бардов рассказываю:

*Познакомились двое наших студентов с девочками из ПТУ
(профтехучилище). Те у них спрашивают:
– А вы где учитесь?
– На ВК! – А что это?
– Воздухоплавание и космонавтика!*

Вот они эти парни! – говорю я и приглашаю бардов на сцену.

Наглость и импровизация, – главные козыри конференса, похоже, в меня были заложены при рождении. Такой треп мне сходил с рук, так как политических аспектов я уже не касался. Да и руководство не трогал и даже свою формулу вывел: **о начальнике, как о покойнике – или хорошо или ничего.**

Но иногда бдительность терялась, наиболее знаковое *выступление* состоялось не в стенах ВУЗа, а на открытой танцевальной площадке парка культуры и отдыха.

Теплый июньский вечер. В парке полно выпускников школ только-только сдавших последние экзамены. В их числе и моя девушка. Культ-массовик Миша вел танцевальную про-

грамму, а в перерывах проводил конкурсы и викторины. Он знал мои способности и разрешил заполнить один из перерывов.

Повеселив публику парой стишков-анекдотов, я решил высказаться на тему открывающихся перспектив выпускников применительно к имеющимся в городе учебным заведениям. Начал с народного творчества:

– Ученье свет, а неученье – культпросвет!

– Ума нет – иди в Пед!

После этого серьезно предупредил, что в Политехническом институте дураков не держат, а про Сельхозинститут выдал экспромт:

Имеешь тонкое чело —

тогда в Сельхоз и на село.

И там расширится лицо

Когда съешь сало и яйцо!

Конечно, не мог обойти вниманием и свой родной ВУЗ, Возвышенно-бодрым голосом заключил:

– И только наш строительный институт успешно выпускает спортсменов, артистов и... этих... как их там... все время забываю... ах да – инженеров!

Мое выступление было встречено на ура. Я был горд собою и моя девушка тоже. Правда, через неделю, встретил Мишу и он хмуро сообщил, что из-за моего выступления его лишили премии.

– Спрашивали твою фамилию, пришлось сказать, что ты неизвестный придурок и вылез к микрофону пока в туалет отскочил. Но, правда, строго предупредили: еще раз такое случится – выгонят с работы.

Весь сыр-бор возник из-за того, что на тех танцах оказался какой-то номерной секретарь из райкома ВЛКСМ (то ли второй, то ли третий), узревший в моем выступлении политическую крамолу и клевету на советскую высшую школу.

Все было под контролем

Это был первый, но не последний случай моего *выступления*, повлекший за собой какие-то последствия. Правда, сам я вышел сухим из воды, получив лишь почетное звание придурка, что меня особо не расстроило.

Свое следующее *выступление*, имевшее последствия, я также не принял к рассмотрению, считая его случайным.

Как-то оказавшись в рабочем общежитии, попытался призвать к порядку две разбушевавшиеся группы молодых людей, не поделивших девушек. Конечно, роль миротворца почетна, но в данном случае она оказалась еще и болезненной. После моего выступления с этой миссией я неделю пролежал в больнице со сломанным носом.

Уже в зрелом возрасте, критически оценивая себя изнутри и снаружи, я представлялся:

*Признаюсь вам – немного грешен,
и головою чуть помешан,*

*и с виду тоже я не очень —
мне нос сломали, между прочим.*

Студенческие годы закончились. Диплом я рисовал дома под записи Владимира Высоцкого и ансамбля Битлз.

Это был проект отопления районного города из панельных пятиэтажек. Городу я дал название Панелеград, но не из-за стен домов. Глядя на железобетонные панели, я думал о девочках, в том числе и о тех, что работали на панели.

Наконец нас пригласили на выход в самостоятельную жизнь. Сидя в Актовом зале Старого корпуса в ожидании вручения диплома, я нацарапал прощальный стих:

Диплом! Как много в этом звуке —

Один лишь виноват он в том:

*С любимой девушкой разлуки
И сны, оставленные на потом.
Нарисовать диплом нетрудно —*

Труднее весь его понять,

*Чтобы потом, сбиваясь, нудно
Хоть пару слов о нем сказать.
Полуха скажет: Это не на сцене
Тебе Отчизну опошлять!
А я в ответ пошлю такое выраженьё*

*С прекрасным окончаньем МАТЬ!
Но это все мечты. А им лишь сбыться,*

Когда пройду у деканата колесом,

*Когда в моей руке как синенькая птица,
Сиять и реять будет мой диплом!*

Но на начальном этапе моя жизнь, все же, была отмечена превосходящим количеством вступлений. Эта участь постигла основную массу советских людей. Конечная цель этого процесса была одна – коммунизм, и всех нас добровольно и поголовно записали в его строители

с раннего детства. Мы дружно шагали по ступеням: становились октябрятами, потом пионерами и, наконец, комсомольцами.

Критерием отбора в эти организации были удовлетворительная учеба и сносное поведение, так что принимали почти всех.

Жить в социалистическом строе не охваченными и не застроенными было нельзя. Отечественный социализм отличался главным принципом – кучкование.

Не окуренные вызывали подозрения – значит, есть что скрывать, раз сторонятся общества.

Кроме политических союзов и полу-политических организаций типа профсоюзов, функционировала еще и масса других организаций. Подразумевалось, что и они должны были отвлечь советских людей от пагубного влияния, например, неорганизованных течений в сторону пивнушек. А главным было противостоять тлетворному влиянию запада.

Добровольные и полу-принудительные сообщества с успехом плодились и множились. Со школьной скамьи будущие граждане вливались в бурную деятельность таких организаций как ОСВОД, ДОСААФ, Красный Крест с не менее красным Полумесяцем. Школьники помогали им жить своими взносами из родительского кармана. 5, 10 копеек это были не деньги, но идеологически с юных лет приучали что собирать с каждого будут всегда.

Вслед за этими громко звучащими организациями был еще целый ряд других, что охраняли природу, различные памятники и животных. Новоявленным членам выдавались дерматиновые корочки и значки, за которые взималась отдельная плата.

Если бы аккуратный гражданин собирал и хранил свои членские билеты, то с удивлением бы обнаружил, что с каким-то фанатичным упорством он неоднократно вступал в одни и те же сообщества. Я, например, во многие вливался три раза: в школе, в институте и на производстве. На производстве добавились ВТО – всесоюзное техническое общество и коллективное садоводство.

Большинство из нас были многочленами

Членство в этих обществах много времени не отнимало – отдал взносы и гуляй Вася.

Со временем появилась традиция: попав в новую компанию или рабочий коллектив, каждый обязан сделать вступительный взнос, так сказать смазать свой дальнейший путь — *вносим вступительные, и становимся членами.*

Внешне на нас это несколько не отражалось. Мы так и оставались затюканными, задерганными, замордованными членами передового, как нам говорили, общества. А с учетом всех организаций даже многочленами.

Как-то сидя на работе, перебирая корочки добровольных обществ закинутые в нижний ящик стола, проанализировал ситуацию и удивился:

*Социализм прошелся по народу,
Прошел он и по мне, я вам скажу,
Платил рубли я обществу в угоду
За мир, за дружбу и что с Бобиком другу.*

*Меня завербовали и в Охрану
Природы – хоть не видишь, а плати,
Пусть обошли тебя шторма и ураганы
Есть «Красный Крест» –
плати и не финти.*

*Денек в фонд мира, парень, отработай,
Вот ДОСААФ – плати и за него,
И клеишь, клеишь марки до икоты,
И все же, кроме этого всего,
Плати за коммунизм на этом свете,
Плати пожарникам и тут же за ОСВОД...
И ты платил за все названья эти? —
Ну, значит, как и я, такой же идиот!*

Правда, была одна организация под названием КПСС, куда многие все же стремились попасть.

Она давала членам определенные преимущества. Работала она по дверному принципу: одно открывала, другое прикрывала.

Открывала КПСС дорогу к получению всяческих благ.

В перечне были и хорошие должности, и путевки в санатории, и даже квартиры. А прикрывала она некоторые проступки соратников, порой даже уголовные. Не членов согласно уголовного кодекса отправляли сразу куда следует, а вот членов сначала разбирали, перевоспитывали и ставили им на вид.

Потому исключение из рядов КПСС, у руководящего звена приравнивалось к небольшому сроку.

Но плановая система проникла и в эту элитную организацию. Только приняв трех рабочих можно было принять в ряды одного инженера или служащего. КПСС должна была оставаться рабоче-крестьянской партией, пусть даже только лишь на бумаге.

Поскольку в коммунальной конторе, где я работал, рабочий класс вообще ни в какие моральные рамки не уместался, а план по выращиванию коммунистов никто не снижал, то меня, молодого инженера наметили кандидатом в ряды.

Наш партийный секретарь, женщина лет тридцати пяти, стала обхаживать меня, открыто намекая на тот самый дверной принцип.

В те времена все это было отработанной системой, к которой все привыкли и мы даже представить не могли, чем ее можно заменить. К тому же все знали анекдот:

В тюремной камере знакомятся:

– Колян – 5 лет за изнасилование.

– Вован – 8 лет за убийство.

– Петро – 15 лет за язык. – Как так!?

– Да я сантехник, вызвали в горком отопление исправить –

я на чердак, воздух спустил – не фурьичит,

в подвал, воду слил – не фурьичит,

*вот и ляпнул во всеуслышание – **Да тут у вас всю систему надо
менять!** припаяли призыв к свержению власти...*

Так что о каких-то переделках и перестройках мы не думали. Да и какие могут быть в молодые годы раздумья о последствиях: *нам пофигу* всем были тети, дяди – *у нас рубахи были все в губной помаде*. Короче, наша «дама-секретарь», по совместительству любовница моего приятеля меня уговорила.

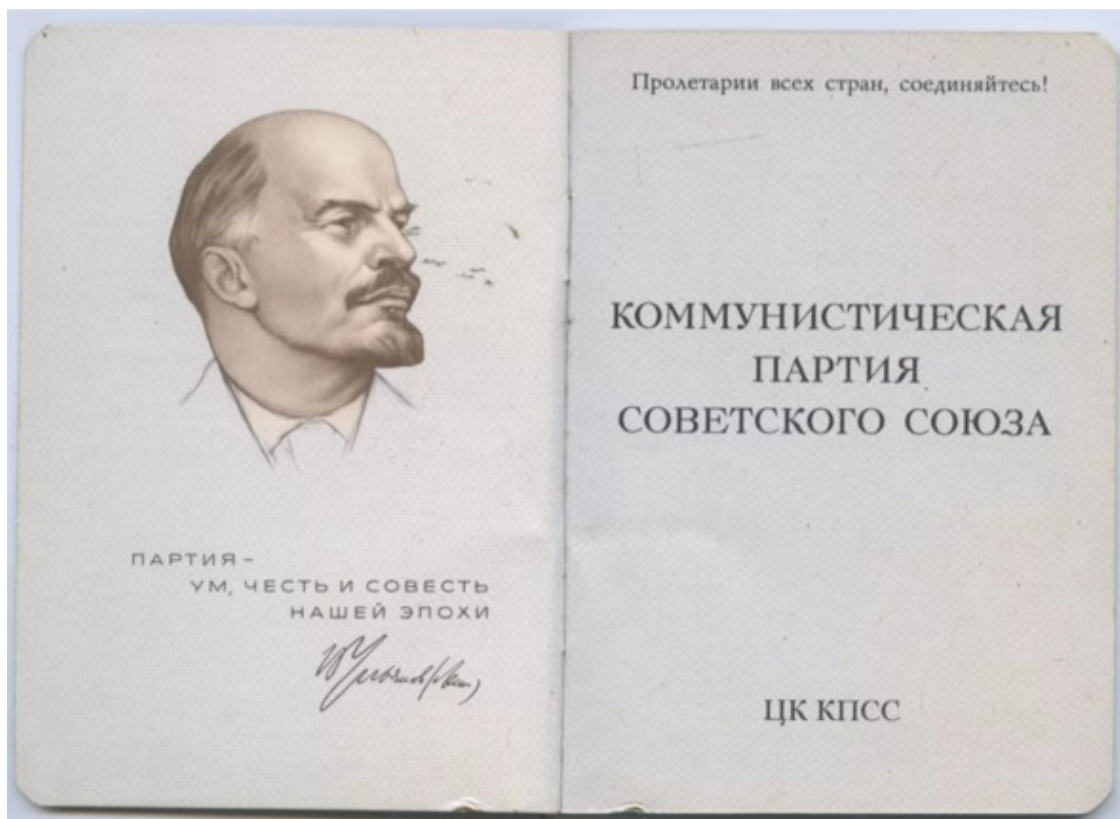
Правда одна закавыка все же была – инженерная должность. Пробыв около года в кандидатах – обычный испытательный срок – и нарушив за это время трудовую дисциплину всего лишь раз, я был готов влиться в «ум честь и совесть» эпохи. Так сказать взвалить на себя груз ответственности за судьбу мирового коммунистического движения.

Если бы мы не знали что это все туфта, то от такой ответственности можно было запросто спиться.

Перед заседанием бюро наш секретарь попросила меня еще и чуть солгать. Мелочь, всего-то и надо было сказать, что я представитель рабочего класса.

Отступать уже было некуда, и потом даме, пусть даже секретарю, я отказать не мог. Как у нас в народе говорят: пообещал – должен жениться.

Так что мне пришлось выбирать между порядочностью и нечестностью. Я сделал над собой небольшое усилие и солгал. Члены бюро горкома, не делая никаких усилий, сделали вид, что поверили. Они с серьезными лицами поздравили меня и вручили партийный билет.

Пропуск в светлое будущее

Здесь, как ни странно, вступительного взноса не было. Билет представлял собой небольшую красную книжечку, основная часть которой состояла из страниц для отметок об уплате членских взносов с перспективой лет на тридцать.

Меня хватило почти на десять.

Поначалу, мне не было жалко тех двух-трех рублей, что я выплачивал ежемесячно, их я засчитывал как возврат долга за бесплатное образование. А вот работаг мне было жаль, им кроме финансовых потерь, высокое звание коммуниста ничего не давало. Все они при уплате взносов искренне переживали, переводя в уме уплывшие в партийную кассу деньги на стаканы водки и литры пива.

А в моей жизни это членство сыграло значимую роль, и я не собираюсь замалчивать, врать и изворачиваться.

Армия бесполезных

Буквально через пару месяцев, на исходе призывного возраста государство испросило с меня еще один должок за все хорошее, что в меня вложили.

После института тогда надо было отслужить два года. Но год на год не приходился и многие выпускники Вузов от этой обязанности втихаря уходили. Надо было очень тихо просидеть до 30 лет и все – на тебе ставят крест. Я не дотянул буквально полгода.

В призывной комиссии на мой намек, что можно было бы найти кого-нибудь и моложе, намекнули, что служба – это почетная обязанность каждого члена общества, тем более коммуниста.

Улыбающийся майорчик спросил:

– Возражения есть?

Возражений не было. Не приучены мы были возражать. Однако, чуть смягчившись, мне сообщили: единственное, что они могут сделать для молодого коммуниста, дать выбрать самому, по какой специальности я буду исполнять свою почетную обязанность.

Моя военная специальность – командир взвода артиллерии, гражданская – инженер-строитель.

Как мне и предсказывал секретарь партийной организации поблажки у меня действительно стали появляться.

Я быстро прикинул что лучше и выбрал последнюю. Ведь пушки, зимой, когда не стреляют холоднющие – жуть!.. А когда стреляют, – такие сволочи горячие!.. А в бытовках строителей хоть и пованивает..., но температура сносная.

Сборный пункт оказался рядом с Москвой. Здесь нас одели, обули и покормили. А потом погоняли строевым шагом. Обучали отдавать правильно честь, в смысле прикладывать руку к козырьку.

На сборах были две группы – техническая (прорабы и механики) и политическая (политработники). Принцип разделения был прост – в первой беспартийные а во второй члены. Имея на руках удостоверение идейно подкованного (партбилет с двумя отметками уплаты взносов), я по случайности оказался в первой группе, чем озадачил начальника курсов. Но на его предложение сменить профориентацию отказался.

Главным стимулом поддержания порядка избалованных гражданской жизнью призывников, было обещание за хорошую учебу и дисциплину отправить служить по месту жительства.

Я намеревался служить рядом с Питером и старался быть осторожным. За два месяца сходил в самоволку всего пару раз – до магазина и обратно. А чтобы закрепить положительное резюме, проявил инициативу, выпустив стенгазету, которая составила конкуренцию газете политработников.

Особенно начальнику курсов понравился призыв:

*Достойно чтоб Родину нам защищать
Зачеты сдадим на четыре и пять!*

Вот тут я, похоже, с этим *выступлением* переборщил, и не только в смысле армейского кича.

Перед окончательным распределением, индивидуально со мной провели конфиденциальную беседу. Двое в штатском поспрашивали о жизни и моих планах, после чего предложили остаться служить в Москве в системе КГБ.

Хотя я твердо отказался от предложения, в последний момент мое место службы поменяли. Этим смешали все планы не только мне, но и одному из воронежских призывников, вместо которого я остался в Москве. Мы тут же написали рапорта с просьбой вернуть все назад, но...

Мой объект, оказался засекреченным, хотя и значился профилакторием. С меня взяли подписку на двадцать лет о неразглашении.

Рисовал не я

Объект действительно оказался похожим на профилакторий, километрах в -надцати от Москвы, в стороне от трассы. Большую часть здания занимали небольшие двуспальные номера с отдельным санузелом и душевой кабиной. Кроме них были еще тир, фотолaborатория, химическая лаборатория и спортзал. На тему профиля объекта говорить было не принято. Только местные бабки иногда интересовались:

- И что же это вы милые строите?
- Профилакторий бабуль, профилакторий.
- Нашли же родимые где строить-то, – завздыхали они, – на самом болоте, что ни на есть.

Действительно, вся стройка утопала по колено в грязи, была середина октября, зарядили дожди.

На второй день моего пребывания на объекте, когда я только-только начал влезать в дела, появился бравый майор и начал всем линейным мозги вкручивать. Досталось и мне, хотя я не успел еще по большому счету и пальцем пошевелить.

На следующий день приехал уже подполковник и, построив нас в холле первого этажа, тоже дал жару.

- Кто?

За что?

И почему мне?

Все эти вопросы я задал усатому капитану, который по возрасту был явно старше наших гонителей.

– Не бери в голову. Из управлений разных, объект-то сдаточный.

– Какой там сдаточный, – тут еще конь не валялся! – со знанием дела возразил я.

– К новому году сдадим, а за последующие полгода отшлифуем.

Не успели мы закончить, как подкатила черная «Волга» и из нее выскочил небольшого роста человечек в черном пальто и шляпе. Его неявная восточная внешность, и особенно шляпа никак не вязалась с нашим объектом. Он прямо с лета стал выдавать всем направо и налево. Увидев меня, спросил, за что я отвечаю. Узнав, что в моем ведении сантехника и что я здесь нахожусь всего лишь третий день, он тут же отвесил мне по-полной.

Не привыкший к такому обращению на гражданке, я уже собирался «выступить с ответным посланием», но вдруг услышал оригинальную фразу:

– Ты, похоже, хочешь свои два года, за вычетом этих трех дней в солнечном Магадане дослуживать?

После такого прозрачного намека, я решил с ответным *выступлением* повременить. И правильно сделал – это был начальник строительного отдела КГБ полковник «N», а напомнил он мне Лаврентия Палыча, только черты у его лица были тоньше.

Это потом я узнал, что наши кураторы с Лубянки никогда не носили форму – им было запрещено. Одевали они ее только при случае, например, на торжественные собрания. А так она висела у них в шкафах и пылилась. Мы же по уставу должны были ходить на службу в форме. И какие бы у нас хорошие отношения ни были, в Москву они нас никогда на своих «Волгах» не подвозили, ссылаясь на запрет возить на служебных машинах военнослужащих.

В каждом строительном управлении нашего ведомства объекты ГБ были как кость в горле. Никаких дополнительных работ, которые обычно возникали по ходу любого строительства, в их ведомстве не пропускали. Все непредвиденные расходы не зафиксированные в смете покрывались за счет других объектов.

Но все же через месяц я наскреб последние сметные крохи и поехал подписывать их выполнения на Лубянской площади.

Строительный отдел располагался не на самой площади в старом или новом зданиях, а в одном из близлежащих доходных домов старой Москвы.

Я подошел к невзрачному, слегка обшарпанному подъезду, поднялся на лифте на указанный этаж, прошел какими-то закоулками и оказался в нужном кабинете. Весь путь шел по строго нарисованной схеме, так как никаких указателей, табличек и прочего нигде не было.

В кабинете сидели два человека, один из которых был мне знаком. Это был приятный мужичок лет сорока пяти – куратор моего объекта майор Константин (отчество уже запомнил).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.